

ANNE RICE

ANNE RICE

THE WOLVES
OF MIDWINTER

ЭНН РАЙС

ВОЛКИ
НА ПЕРЕЛОМЕ
ЗИМЫ

ЭКМО
МОСКВА
2015

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р18

Anne Rice
THE WOLVES OF MIDWINTER
Copyright © 2013 by Anne O'Brien Rice

Разработка серийного оформления *Сергея Власова*
Иллюстрация на переплете художника *Михаила Петрова*

Райс, Энн.
Р18 Волки на переломе зимы / Энн Райс ; [пер. с англ. А. В. Гришина]. — Москва : Эксмо, 2015. — 480 с. — (Новинки зарубежной мистики).

ISBN 978-5-699-79215-3

В поместье Нидек-Пойнт пришла зима. Феликс Нидек решает организовать для местных жителей рождественский праздник. Для Ройбена Голдинга это Рождество станет особенным, ведь впервые он встретит его в облике морфенкиндера и по их старинным обычаям. В один из спокойных зимних вечеров Ройбен видит призрак Марчент Нидек — бывшей владелицы поместья. Она пытается заговорить с ним, но ей никак не удается прорвать барьер между мирами. Встревоженный, что Марчент не может найти дорогу в Верхний мир, Ройбен вынужден обратиться к Лесным джентри — магическому народу, обитавшему на территории Нидек-Пойнта задолго до появления первых людей.

Вот только можно ли им верить?
Впервые на русском языке!

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-699-79215-3

© Гришин А., перевод на русский язык, 2015
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2015

*Посвящается
Виктории Уильямс,
Нэнси Райс Даймонд Милли Болл
и отцу Джозефу Кокучи*

Что, в нищете своей,
Я дать Ему могу?
Будь я пастух,
Я б отдала овцу,
Будь я мудрец,
Исполнила б свой долг,
Но только сердцем обладаю я —
Его отдам Ему.

— Из «Морозных дней зимнего
солнцестояния» Кристины Росетти
(1872)

ПРЕДЫСТОРИЯ

Не в добрый час Ройбен Голдинг, молодой репортер из Сан-Франциско, посетил Нидек-Пойнт, огромный особняк на побережье Мендосино. У него на глазах убили Марчент Нидек, очаровательную хозяйку поместья, а его самого укусил чудовищный зверь, разделавшийся с убийцами. После этого его жизнь в корне изменилась. Ройбен, скорбевший по Марчент, вскоре узнал, что оказался ее наследником, а потом обнаружил, что стал оборотнем-вервольфом.

В волчьем облике Ройбен полностью сохранял человеческое сознание. Он проникся стремлением защитить невинных жертв насилия от нападений всяких злобных мерзавцев. Вскоре он прославился как супергерой Калифорнийский Человек-волк, его со всех сторон обложила полиция, а потом он нашел любовь — Лауру, женщину, принявшую его в волчьем облике. Своим домом они сделали Нидек-Пойнт, где старинные портреты «достопочтенных джентльменов» на стене в библиотеке, кажется, были каким-то образом связаны с Волчьим Даром, доставшимся Ройбену.

Объявились злонамеренные ученые, стремившиеся заполучить Ройбена себе во власть, осаждавшие родителей Ройбена — врача Грейс Голдинг (которая сразу заподозрила, что с сыном творится что-то неладное) и ее мужа, поэта и профессора Фила Голдинга, — настойчивыми требованиями повлиять на их «погубленного» сына. Брат Ройбена, священник Джим Голдинг, которому Ройбен сам открыл свою тайну на

исповеди, не в состоянии хоть как-то распорядиться своими знаниями.

Тем временем Ройбен, не успевший набраться опыта в качестве супергероя, допустил досадную ошибку: нечаянно укусил юного Стюарта Макинтайра, которого негодяи едва не забили насмерть за его гомосексуальные наклонности.

Те же самые ученые, стремившиеся захватить Ройбена и Стюарта к себе в плен, вскоре добрались и до Нидек-Пойнта, однако их планы были разрушены внезапным появлением перед ошарашенными полицейскими, работниками «Скорой помощи» и родственниками еще одного человека-волка и «почтенных джентльменов», которые были запечатлены на фотографиях в библиотеке.

Нидек-Пойнт сделался убежищем для Ройбена, Стюарта, Лауры и Почтенных джентльменов, старшие из которых, Феликс и Маргон, имели ответы на все вопросы Ройбена по поводу его новой сущности, потерпевших поражение ученых и происхождения древнего племени морфенкиндеров, к которому теперь принадлежали и Ройбен со Стюартом.

Начало декабря было очень холодным и пасмурным, как всегда, хлестали дожди, но никогда еще в просторных комнатах Нидек-Пойнта¹ не пылали так ярко дубовые дрова. Почтенные джентльмены — Ройбен теперь произносил эти слова исключительно с заглавной буквы — уже обсуждали древнюю и почтенную традицию рождественских святок, рецепты медовухи, меню праздничного стола и заказывали целыми милями свежие зеленые гирлянды для украшения дверей, каминных полок и лестниц старинного особняка.

Для Ройбена это Рождество, которое ему предстояло провести в обществе Феликса Нидека, Маргона, Стюарта и других дорогих ему людей, должно было стать первым в своем роде. Эти люди стали для него новой семьей. А потаенный, но полный радости и взаимной приязни мир морфенкиндов был, вне всякого сомнения, куда ближе ему, чем мир его человеческой родни.

Обаятельная экономка, швейцарка по имени Лиза, присоединилась к этому обществу всего несколько дней тому назад. Судя по множеству приятных мелочей, привнесенных ею в быт, эта величественная дама с чуть заметным немецким акцентом и безукоризненными манерами уже успела сделаться в Нидек-Пойнте настоящей домоправительницей. Она в самом деле носила нечто вроде униформы — элегантные платья из

---

¹ Название Нидек произносится с долгим «и». (Прим. авт.)

черного шелка или шерстяного жоржета с широкими юбками, спускавшимися до середины икр, волосы убирала в прическу-«ракушку» и улыбалась очень естественно и без малейшего усилия.

Прочие — Хедди, горничная-англичанка и Жан-Пьер, камердинер Маргона, — судя по всему, ожидали ее появления и явно считались с нею; они часто вполголоса совещались между собой по поводу своей работы, и эти переговоры обычно для ушей секретности велись на немецком языке.

Лиза ежедневно включала «трехчасовое освещение» (ее собственное название), объясняя, что такова была воля герра Феликса, о которой ни в коем случае нельзя забывать, поэтому, когда вокруг смыкался зимний мрак, в ярко освещенных главных комнатах всегда было светло и весело. Она же следила за каминами, которые стали для Ройбена незаменимой опорой душевного равновесия.

10

Там, в доме на Русском холме в Сан-Франциско, маленькие газовые каминчики тоже доставляли Ройбену удовольствие, но были, бесспорно, роскошью, без которой легко можно было обойтись. Но здесь огромные зевы, в которых пылал огонь, являлись неотъемлемой частью жизни, и Ройбен зависел от них, от их тепла, от их аромата, от их жутковатого мерцающего сияния, как будто находился вовсе не в доме под названием Нидек-Пойнт, а в глубине бескрайнего леса, который и являлся миром с постоянно накапливавшейся там темнотой.

После появления Лизы Жан-Пьер и Хедди стали гораздо увереннее предлагать Ройбену и Стюарту всевозможные удобства, по собственной инициативе подавали им чай и кофе и проскальзывали в спальни, чтобы застелить постели, едва только заспанные обитатели успевали их покинуть.

Дом с его тайнами и тайнами его обитателей постепенно становился Ройбену родным.

И Ройбену совершенно не хотелось отвечать на частые звонки и сообщения из Сан-Франциско от матери, отца и бывшей подружки Селесты, которая последние несколько дней то и дело названивала ему.

Сам звук ее голоса, ее привычка называть его «солнечным мальчиком» выводили Ройбена из себя. Мать иногда называла его малышом или деточкой. С этим он мог мириться. Но Селеста теперь использовала выдуманное для него ласкательное прозвище в каждом разговоре и не по одному разу. Каждое текстовое обращение адресовалось солнечному мальчику, а произносить эти слова она умудрялась так, что он явственно слышал в них сарказм или презрение.

Во время последнего разговора лицом к лицу, сразу после Дня благодарения¹, она, как обычно, обвинила его в том, что он отказался от прежней жизни и сбежал в захолустье на побережье Мендосино, где у него, несомненно, будут все возможности, чтобы «беспрепятственно бездельничать», «быть ничем» и жить по своему разумению среди «этих льстецов и подхалимов, твоих новых дружков».

«Я вовсе не бездельничаю», — мягко возразил он, на что она ответила: «Даже солнечные мальчики должны что-то представлять собой».

Конечно, он ни за что и ни при каких обстоятельствах не мог сказать Селесте, что на самом деле случилось с его миром, и хотя он и уговаривал себя, что за ее бесконечной брюзгливой заботой кроются самые лучшие намерения, все же он порой задумывался о том, как такое вообще могло случиться. Как он мог любить Селесту или думать, что она любила его? И, что, пожалуй, было важнее, почему она могла полюбить его? Ему трудно было верить в то, что у них был роман, тянувшийся целый год до того, как его жизнь неожиданно круто переменялась, и сейчас он желал только, чтобы она наконец отвязалась от него, позабыла о нем, радовалась новому роману с его лучшим другом Мортгом и сделала беднягу Морта новым объектом для своих амбиций и энергии. Морт любил Селесту, и Селеста, похоже, отвечала ему взаимностью. Так почему она продолжала помогать еще и его, Ройбена?

---

¹ День благодарения — официальный праздник США в память первых колонистов Массачусетса, отмечаемый в последний четверг ноября.

А вот Лауры ему ужасно не хватало, Лауры, которая делила с ним все перипетии последнего времени и от которой не было ни слуху ни духу, с тех пор как она покинула Нидек-Пойнт, чтобы решить, как же ей быть.

Подчинившись порыву, он отправился на юг, туда, где на окраине Мьюрского леса стоял ее дом.

Всю дорогу он медитировал на все, что его окружало. Ему хотелось слушать музыку, грезить наяву, наслаждаться поездкой, дождь там или не дождь, однако он никак не мог отвлечься от обстоятельств, пусть даже они и не были безрадостными.

Давно уже перевалило за полдень, над головой висело свинцовое, то и дело вспыхивавшее небо, и дождь никак не желал прекращаться. Впрочем, он уже привык к такой погоде и теперь рассматривал ее как часть того очарования, которое зима обрела в его новом состоянии.

Утро он провел в городке Нидек вместе с Феликсом, который готовил для главной улицы рождественское оформление из живой зелени и иллюминации. Деревья перед каждым магазином и кафе надлежало обвешать украшениями и мигающими лампочками; Феликс вызвался оплатить все это — если владельцы заведений не будут против. Все они радостно согласились. Владелец гостиницы он выписал чек на особое оформление главного зала, а также договорился с изрядным количеством домовладельцев, которые тоже пожелали украсить свои дома.

Нашлись и люди, пожелавшие временно воспользоваться пустующими магазинами на главной улице, — торговцы дорогим мылом и шампунями, винтажной одеждой, кружевами (как старинными, так и современными). Феликс купил единственный в городе старый кинотеатр и собирался реконструировать его, хотя еще не решил, как именно.

Ройбен посмеивался, глядя на все эти меры по возрождению города. Но Феликс не забывал и о более практических сторонах жизни Нидека. Он наладил связь с двумя отставными поставщиками, которые пожелали открыть магазины бытовой техники и инструментов, еще несколько человек захотели от-

крыть кафе и газетный киоск. Нидек состоял из 142 домохозяйств, где обитали около 300 человек. Содержать сами свой намеченный бизнес они не могли, зато это было по силам Феликсу, который собирался поддерживать все начинания до тех пор, пока город не обретет своеобразие и очарование, которые будут привлекать сюда людей. Он уже продал четыре участка людям, собравшимся построить на расстоянии пешей прогулки от центра города несколько хороших домов.

Престарелый мэ́р Джонни Кронин пребывал в настоящем экстазе. Феликс предложил ему нечто вроде денежного гранта, чтобы он бросил свою «жалкую работенку» в страховой конторе, куда ездил за шестьдесят миль.

Они договорились, что вскоре состоится воскресный рождественский фестиваль, куда пригласят ремесленников и умельцев всяческих сортов, дадут рекламу в разные местные газеты, после чего Феликс и мэ́р решили продолжить беседу за запоздалым ленчем в главном обеденном зале «Таверны», а Ройбен предпочел отколоться от них и отправиться по своим делам.

Он должен был повидать Лауру, даже если она ничего не решила, должен был хоть как-то — как получится — обняться с нею. Черт возьми, если ее не окажется дома, он будет счастлив просто посидеть в ее гостиной или прилечь на ее кровать и немного вздремнуть.

Может быть, это было с его стороны не слишком порядочно по отношению к ней, а может быть, и вполне порядочно. Он любил ее, любил сильнее, чем какую-либо из своих прежних подружек или любовниц. Он просто не мог жить без нее, и, возможно, ему следовало сказать ей об этом. Ну, почему бы и не сказать? Терять все равно нечего. Он подтолкнет ее к решению — в ту или другую сторону. А ему нужно избавиться от страха перед ее будущим решением, каким бы оно ни оказалось.

Когда он въехал на дорожку, ведущую к ее дому, уже начало темнеть.

На айфоне появилось еще одно сообщение от Селесты. Он оставил его без внимания.

На фоне темного выступа леса окруженный деревьями маленький домик с высокой островерхой крышей сиял теплым светом; Ройбен уловил аромат горящих дубовых дров. Тут ему внезапно пришло в голову, что следовало бы купить какой-нибудь маленький подарок, хоты бы цветы или, например... кольцо. Он не подумал об этом вовремя и теперь не на шутку расстроился.

А что, если она не одна, если с нею там какой-то совершенно незнакомый мужчина? А если она вообще к двери не подойдет?

Ну, к двери она подошла. И открыла ему.

Как только их взгляды встретились, он захотел любви с нею. И ничего больше. Она была одета в потертые джинсы и старенький серый свитер, отчего ее глаза казались еще темнее и бархатистее, и без капли косметики, с распушенными по плечам волосами, она выглядела великолепно.

14

— Иди ко мне, чудовище, — сразу сказала она низким дразнящим голосом и, крепко обняв его, покрыла поцелуями все его лицо и шею. — Дай-ка я посмотрю на этого... хм-м-м... синеглазого брюнета. Похоже, все это время я только о тебе и думала.

Он крепко, наверно, до боли стиснул ее. Сейчас ему хотелось только одного — держать ее в объятиях.

А она уже вела его в спальню, находившуюся в глубине дома. Она вся светилась, ее щеки покраснелись, а красиво взлохмаченные волосы, кажется, стали гуще, чем он помнил, и определенно ярче, чем он помнил, словно напоенные солнцем, а выражение ее лица было лукавым и восхитительно сердечным.

В небольшом чугунном камине умиротворяюще играл огонь. По обе стороны дубовой кровати, небрежно застеленной блеклым клетчатым пледом, поверх которого лежали отделанные кружевами подушки, мягко светили лампы со стеклянными абажурами.

Она сбросила с кровати покрывало и помогла ему снять куртку, рубашку и штаны. Воздух был теплым, сухим и ароматным, как всегда в ее доме, ее маленькой берлоге.

От испытанного облегчения на него навалилась слабость, но продолжалось это всего несколько секунд, а потом он принялся целовать ее, как будто они вовсе не разлучались. «Не торопиться, только не торопиться», — повторял он себе, но эти уговоры не слишком помогли. Все получилось горячо, бурно, грубо и изумительно.

Потом они лежали в полудреме бок о бок, а в оконные стекла барабанил дождь. Очнувшись и повернув голову, он увидел, что она лежит с открытыми глазами, глядя в потолок. Только из кухни падал свет. И там готовилась еда. Он чуял это. Жареная курица и красное вино. Он отлично знал этот запах и вдруг почувствовал такой голод, что не мог уже думать ни о чем другом.

Они вместе пообедали за круглым дубовым столом; Ройбен в махровом халате, который выдала ему Лаура, а она в одной из своих излюбленных изящных белых фланелевых ночных рубашек. Эта была украшена скромной голубой вышивкой, голубыми ленточками на вороте, манжетах и разрезе, голубыми пуговичками, и все это изумительно шло к ее несколько отсутствующей, но все же ослепительной улыбке и сияющей коже.

Во время еды они молчали. Ройбен жадно поглощал все, что имелось на столе, а Лаура, к его удивлению, тоже ела, а не гоняла, как обычно, куски по тарелке.

Покончив с едой, они погрузились в спокойствие. В камине потрескивали горящие поленья. И весь домик казался надежной твердыней, противостоящей колотившему по крыше и окнам дождю. Каково было расти под этой крышей? Он не мог представить себе этого. И пусть он сделался морфенкиндом, большие леса оставались для него чуждыми и дикими.

Ему всегда очень нравилось, что они не нуждаются в болтовне, что они могут проводить друг с другом целые часы в молчании, что они разговаривают без слов, но что же они молча говорили друг дружке сейчас?

Она неподвижно сидела на дубовом стуле, положив левую руку на стол, а правую — на колени. Казалось, что она следила за тем, как он подбирал все без остатка с тарелки